

Л. Чарская

Синие тучки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ч-22

Ч-22 Чарская Л.А.
Синие тучки / Л. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2023. – 132 с.

ISBN 978-5-4241-1887-6

Лидия Алексеевна Чарская (Чурилова) - детская писательница, повестями, стихами, рассказами и сказками которой зачитывалось не одно поколение детей. Она успевала не только писать (за пятнадцать лет вышло восемьдесят ее книг), но и играть на сцене Александрийского театра в Петербурге, где проработала четверть века. Писательская судьба Лидии Алексеевны печальна: ее произведения неоднократно подвергались разгромной критике, после 1917 года перестали печатать книги Чарской, а затем и вовсе их запретили и изъяли из библиотек. Тем не менее на протяжении всей своей жизни она оставалась одной из самых популярных и востребованных писательниц, затронувшей в своих произведениях проблемы богатства и бедности, красоты и уродства, жизни и смерти.

ISBN 978-5-4241-1887-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023
© Л.А. Чарская, 2023

Лидия Чарская
Синие тучки

Две елки

I.

В густом бору стоит красивая, пышная, молодая елочка. Соседки-подруги с завистью поглядывают на нее: «В кого такая красавица уродилась?» Подруги не замечают, что у самого корня елочки вырос отвратительный, уродливый сук, который очень портит нарядную молодую елочку. Но сама елочка знает про этот сук, больше того — она ненавидит его и всячески горюет и сетует на судьбу: за что она наградила такой безобразной веткой ее — стройную, хорошенькую молодую елочку?

Подошел сочельник. Дедко-Мороз с утра нарядил елки пышной снежной фатою, посеребрил их инеем — и стоят они разубранные, как невесты, стоят и ждут... Ведь сегодня великий день для елочек... Сегодня едут за ними в лес люди. Срубят они елочки, отвезут их в большой город на рынок... А там станут покупать елочки в подарок детям.

И красавица-елочка ждет своей участи... Ждет не дождется, что-то ее ожидает?

Вот заскрипели полозья, показались тяжелые крестьянские сани. Из них вышел мужик в теплом полушибке, с топором, заткнутом за пояс, подошел к елочке и со всех сил ударил топором по ее стройному стволу.

Елочка тихо охнула и тяжело опустилась на землю, шурша своими зелеными ветвями.

II.

— Чудесное деревце! — произнес старый лакей Игнат, со всех сторон оглядывая красавицу-елочку, только что купленную им на рынке по поручению хозяина, богатого князя, для маленькой княжны... И вдруг глаза его остановились на коряком сучке, торчавшем совсем не кстати сбоку нашей красавицы.

— Знатная елочка! — проговорил он.

— Надо сравнить дерево! — произнес Игнат и в одну минуту отмахнул топором корявую ветку и отшвырнул ее в сторону.

Красавица-елочка облегченно вздохнула.

Слава Богу, она избавлена от безобразной ветки, так портившей ее сказочную красоту, теперь она вполне довольна судьбою...

Лакей Игнат еще раз заботливо оглядел со всех сторон елочку и понес ее наверх — в огромную и пышно обставленную княжескую квартиру.

В нарядной гостиной елочку окружили со всех сторон, и в какой-нибудь час она преобразилась. Бесчисленные свечи засияли на ее ветвях... Дорогие бонбоньерки, золотые звезды, разноцветные шары, изящные безделушки и сласти украшали ее сверху до низу. Когда последнее украшение — серебряный и золотой дождь заструился по зеленой хвое елочки, двери зала распахнулись, и прелестная девочка вбежала в комнату.

Елочка ожидала, что маленькая княжна всплеснет руками при виде такой красавицы, будет в восторге прыгать и скакать при виде пышного деревца.

Но хорошенъкая княжна только мельком взглянула на елку и произнесла, чуть-

чуть надув губки:

— А где же кукла? Я ведь так просила папу, чтобы он подарил мне говорящую куклу, как у кузинки Лили. Только елка — это скучно... С нею нельзя играть, а сластей и игрушек у меня и без нее довольно! Вдруг взгляд хорошенькой княжны упал на дорогую куклу, сидевшую под елкой...

— Ах! — радостно вскричала девочка, — вот это чудесно! Милый папа! Он подумал обо мне. Какая прелестная куколка. Милая моя!

И маленькая княжна целовала куклу, совершенно позабыв о елке.

Красавица-елка недоумевала. Ведь гадкий, так безобразивший ее сучок был отрублён. Почему же она — пышная, зеленокудрая красавица — не вызвала восторга в маленькой княжне?

III.

А корявый сучок лежал на дворе до тех пор, пока к нему не подошла худая, измученная повседневной тяжелой работой, бедная женщина.

— Господи! Никак ветка от елочки! — вскричала она, стремительно наклонившись над корявшим сучком.

Она бережно подняла его с земли, точно это был не корявый сучок, а какая-то драгоценная вещь, и, заботливо прикрывая его платком, понесла в подвал, где снимала крохотную каморку.

В каморке, на ветхой постели, прикрытой старым ватным одеялом, лежал больной ребенок. Он был в забытьи и не слышал, как вошла его мать с елочной веткою в руках. Бедная женщина отыскала в углу бутылку, воткнула в нее корявшую елочную ветку. Затем она достала хранившиеся у нее в божнице восковые огарки, принесенные ею в разное время из церкви, старательно прикрепила их к колючей ветке и зажгла. Елочка загорелась приветливыми огоньками, распространяя вокруг себя приятный запах хвои. Ребенок внезапно открыл глаза. Радость засветилась в глубине его чистого, детского взора... Он протянул к деревцу исхудалые ручонки и прошептал, весь сияя от счастья:

— Какая милая! Какая славная елочка! Спасибо тебе, родная моя мамочка, за нее... Мне разом как-то легче стало, когда я увидел милое зажженное деревцо.

И он протягивал ручонки к корявшему сучку, и корявый сучок мигал и улыбался ему всеми своими радостными огоньками.

Не знал корявый сучок, что доставил столько радости бедному больному в светлый рождественский сочельник.

Аганька

Звали ее Аганька и была она вся смуглая и черноглазая, и такая красивая, что все, кто ни попадал на постоянный двор отца ее Игната, всякий заглядывался на хорошенькую, смуглую, черноволосую Агнию или Аганьку, как ее называли в семье.

Аганька знала, что она такая хорошенькая и что все любуются ею, и еще больше хотела выставить напоказ свою красоту. Для этого летом она украшала свою черноволосую головку венком пурпуровых маков и колосьями ржи, а зимою носила такие яркие платки и повязки, что ее видно было за версту в степи.

Был один недостаток у Аганьки: не любила она работать.

«Что пользы работать? — думала Аганька. — Сама делаешься в работе усталой и разбитой, а на руках делаются такие гадкие мозоли, что их ничем потом не сведешь...» И ругали же за леность Аганьку — и мать, и отец, и сестры... Только пользы от этого никакой: сегодня отругают, а завтра, глядишь, накинет Аганька на голову платок, что покраснее, да поярче, бродит по степи, да поет... Ах, как поет! Жаворонки ей завидовали — так она пела. Голосок чистый и звонкий, как свирель. Целый час поет — не устанет. Солнце встанет и опять сядет, а она все поет... Нет устали!

Как-то раз заехали на постоянный двор Аганькина отца какие-то люди... Были это актеры, странствующие комедианты, которые дают по городам представления. Таких Аганька еще и не видывала: ни усов у них, ни бороды, бритые, лицо гладкое — что твои бабы или девки. Как взглянула на них Аганька, так и прыснула.

Отец забранился:

— Дура, чего ты!

— Не брани дочку, хозяин! — заступился за Аганьку один из бритых, тот, который постарше был. — Глупа еще, несмышленочка... Славная девочка...

И вдруг так пристально взглянул на Аганьку, да и спрашивает:

— Это ты давеча в степи пела?..

Смутилась Аганька.

— Я, — говорит.

— А хорошо ты поешь... Ей-Богу, что соловей. Поедем с нами в город. Я тебя петь выучу так, что люди заслушаются, и большие деньги тебе давать будут.

— Денег не надо. А платья и платки хочу! Чтоб такие, какие сама царица не носит... Вот то бы хорошо! — вскричала Аганька и даже в ладоши захлопала.

— Будут и такие, будут! — успокоил бритый девочку.

— Отпусти, хозяин, дочку, а? — обратился он снова к Игнату.

Тот только крякнул и так взглянул на гостя, что у того поджилки затряслись.

Больше бритый уж не говорил с Аганькой при отце, а как отец из избы вышел, стал рассказывать Аганьке, что у него театр есть в большом городе, народ туда представления смотреть ходит, а они только и поют, и играют, и пляшут... И она, Аганька, плясать будет и петь, если пожелает. Ей венок драгоценный на кудри наденут, платье у нее будет бархатное, с золотом, и все в камнях. А работать не надо: знай, пой и пляши. Славно!

У Аганьки глаза разгорелись. Всю ночь она о бархатном платье и о венке

драгоценном продумала. А пуще всего — о том, что в городе ее работать заставлять не будут... а петь и плясать — кому не весело?

Ночь продумала, а на утро постояльцы ушли, и Аганька с ними. Никто и не заметил. А как хватились, — Аганька уже далеко была... И след простили...

.....
Обманули «бритые» Аганьку. Привезли в город, а там не театр, а балаган. Деревянный сарай попросту. В стенах щели, ветер гуляет... Нехорошо!

Про платье спросила, ей какое-то тряпье кинули, грязное, мятое... Ни бархата, ни камней. Потом велели балаган убирать, мыть, чистить, скрести.

А вечером публика собралась. Аганьке хозяин показал, как надо петь да плясать. Только ничего не вышло хорошего. Публика над Аганькой смеялась, хозяин банился, руки у нее дрожали от непривычной работы (шутка ли ей, белоручке, балаган убирать!), и голос словно не свой, а чужой стал. Так ли она пела в степи!

Заплакала Аганька, стала домой проситься. А хозяин как расхохочется:

— Нет тебе ходу домой. В актрисы ты не годишься, а служанку я из тебя сделаю.

Пуще заплакала Аганька. А потом бежать порешила. Домой бежать.

Все равно — хуже не будет.

Дома-то рай, а она-то глупая!

И убежала Аганька...

.....
А и nochka же это была!..

Ветер кружил так, точно с цепи сорвался. А в степи аукал кто-то. Снегу намело видимо-невидимо... Ног не вытащить.

Платьишко у Аганьки рваное, сапоги дырявые. Стужа к самому сердцу подходит, всю кровь леденит. А в сердце страх: не простит отец, не примет! Что-то будет? Господи! Господи!

От города до постоялого двора Аганька дорогу знает. Не раз с матерью на ярмарку туда ездила. Только сегодня что-то долгонька дорога ей эта кажется...

Наконец-то огонек в знакомом окошечке блеснул... Далеко из степи его видно.

Прибавила Аганька шагу, а сама дрожит вся и от холода, и от страха: зуб на зуб не попадает.

Едва передвигая ноги, дотащилась Аганька до избы... Дальше идти не может. Прислонилась к плетню и смотрит... смотрит... Там в окне милые тени двигаются... Встретят ли ее, простят ли?

А стужа руки и ноги леденит... сон нагоняет... Мочи нет, как спать хочется!

Не выдержала Аганька, крикнула:

— Тятенька! Родименький, тут я!

Растворилась дверь избы. Вышел Игнат на порог, оглянулся. Увидел темную фигурку у плетня. Со всех ног кинулся к ней.

— Агничка, ты ли? Болезная!

Взял на руки, отнес в избу. Заплакала Аганька. Не такой встречи ждала.

И отец заплакал, и мать, и сестры.

Любили они Аганьку, так любили! А она и не чуяла.

Прижалась к отцу Аганька:

— Прости, тяте́нька! Век не буду!

А сама бьется на груди, как птица. Простил Игнат, и мать, и сестры простили.
Ожила Аганька. Снова запела. Снова красные платки, да венки носить стала.

Только уж и работать принялась. Ох, как работать. И работает, и поет. Славно поет, а работает еще лучше. Смотреть любо. Всякое дело в руках так и кипит. Не нахвалится Игнат дочкой.

И люди видят: переменилась Аганька. И люди не нахвалятся.

— Счастье Игнату. Дочка-то у него — золото!

А почему золотом стала — это одна Аганька знает.

